

Мозжегоров Виталий Николаевич

Куда я попал?

Мозжегоров Виталий Николаевич. Родился 8 августа 1947 г. в Одессе. В 1967 г. окончил Жуковский авиационный техникум, работал в ЛИИ им. М.М. Громова (радиотехнический факультет), техник. После окончания в 1973 г. радиотехнического факультета Московского энергетического института работал в Московском НИИ приборостроения (инженер). С 1975 по 1998 гг. служил в Вооруженных Силах: 1975–1981 гг. – в 45-м СНИИ МО (инженер, младший научный сотрудник), испытания средств СПРН, 1981–1998 гг. – в управлении заказов вооружения последовательно на должностях от старшего инженера до начальника управления заказов и поставок вооружения войск РКО. Полковник запаса.

В сентябре 1974 г. у меня родился сын Александр. И этой же осенью мне пришла повестка из военкомата – как офицеру запаса (по военной кафедре специализировался как офицер наведения системы ЗРВ «Волхов») призывают на два года. В этой сложной ситуации, а ее усугубляло и малоинтересное развитие событий в оборонном НИИ (Московское НИИ приборостроения), в котором я работал по распределению после окончания радиотехнического факультета МЭИ, позитивным выходом представлялся переход в военную ипостась, но, естественно, по возможности, ближе к дому.

После нескольких встреч на разных уровнях конечной гаванью был определен Военный институт ПВО в Бабушкине. Никакой информации о его роде деятельности у меня не было. После нескольких бесед в отделе кадров

института с начальниками отделов, один из них, полковник Гипик Виталий Иосифович, сказал: «Вы нам подходите, но в настоящее время у нас нет инженерной «клетки». Пробьете — с удовольствием возьмем». Для «пробития клетки» была организована моя встреча с тогдашним начальником ГУВ Войск ПВО страны генерал-лейтенантом Юрасовым Евгением Сергеевичем (в здании «Пентагона» на Фрунзенской набережной). Евгений Сергеевич одобрил мое желание служить в 45-м СНИИ (при этом отрицательно высказался в адрес желающих служить в военных представительствах при оборонных НИИ) и дал команду решить вопрос положительно.

5 марта 1975 г. я прибыл к месту службы и был определен в лабораторию подполковника Пономарева Эдуарда Арсеньевича. Непосредственным моим руководителем стал майор Цейтленок Александр Матвеевич. Несколько месяцев было выделено для вхождения в должность, в тему. Постепенно, из прочитанных книг (проектов, отчетов, описаний, инструкций), из рассказов опытных и бывалых сотрудников отдела: Гипика В.И., Фаустова М.И., Пономарева Э.А., Краснова В.А., Цейтленка А.М., Нештенко О.П., Маслака А.Ф. и др., — вырисовывалась вся грандиозность решаемых и выполняемых отделом задач по созданию и испытаниям надгоризонтных средств предупреждения о ракетном нападении. А уж когда я впервые вживую увидел РЛС «Днепр» в районе ст. Оленьей на Кольском полуострове, дух захватило. И сопричастность к этому великому подвигу нашей страны — ученых, конструкторов, военных в деле создания надежного радиолокационного «щита» Родины — придавала силы для вдохновенного занятия этой деятельностью вплоть до увольнения из рядов Вооруженных Сил в 1998 г.

К 15-летию института (1 июля 1975 г.) был приурочен торжественный момент вручения различных наград. Тогда я впервые увидел Главнокомандующего Войсками ПВО Маршала Советского Союза Павла Федоровича Батицкого. Огромных размеров, с густым басом (кто-то сравнил его голос со звуком Иерихонской трубы) и могучим командирским напором — таким он предстал перед нами при вручении наград, проходившем в клубе Пограничилища, расположившегося через дорогу. Здесь же вручались премии Ленинского комсомола отличившимся молодым сотрудникам. Этот факт также окрылял определенной перспективой.

Испытатели

В 1975—1977 гг. проводились доработки уже введенных в эксплуатацию РЛС «Днепр» и, соответственно, проверки после доработок их характеристик и боевых программ. В институте все изменения отрабатывались в документах (программах, инструкциях, протоколах, актах), готовились соответствующие варианты имитируемых налетов средств нападения вероятного противника, которые, вместе с программами имитации радиолокационных средств и фоновой обстановки в секторе обзора испытываемой РЛС, наносились на бумажные носители (ленты). По готовности все отработанные документы и материалы соответствующими специалистами как нашего, 10-го, отдела 1-го управления, так и смежного отдела Вычислительного центра, возглавляемого сначала Шуваловым Ю.С., а затем Шахиным В.П., перевозились на объект испытаний. Кроме указанных руководителей, основными действующими лицами и исполнителями были Целищев И.С., Мартынов Ю.Н., Панов Ю.А., Лобачёв А.Ф., Поляков В.А. Я прослужил в 45-м СНИИ

более пяти лет и за это время с этим коллективом (в разных составах) работал практически на всех проверяемых и вводимых объектах (не был я только в Севастополе, ибо это была вотчина Олега Нештенко, у него неподалеку жили родители). Работали, как правило, очень интенсивно, по 12–14 часов в сутки, часто без выходных. За годы совместной службы и командировок на объекты был съеден не один пуд соли и выпит не один литр спирта. При этом случались разные, в том числе и курьезные моменты.

В первую командировку зимой 1975 г. я был направлен совместно с А. Цейтленком. Северным флотом должен был проводиться пуск ракеты с подводной лодки. Войскам при этом важно было убедиться в правильности функционирования как «железа» станции, так и боевых алгоритмов и программ. Поехали поездом Москва–Мурманск. Ехать 1,5 суток. В таких поездках, как правило, подбирался коллектив для преферанса. Учась в техникуме, а затем в МЭИ, я немного овладел азами игры, поэтому согласился принять участие (да и, по моим прикидкам, это должно было ускорить мое вхождение в коллектив соратников). Одним из игроков был Главный конструктор надгоризонтных средств, разрабатываемых РТИ им. А.Л. Минца, Юрий Владимирович Поляк. Это было наше первое знакомство, которое положило начало многолетней совместной работе по созданию средств СПРН. «Ю.В.», как его звали уважительно между собой все окружающие, страдал близорукостью, карты подносил непосредственно к очкам, но при этом умудрялся видеть карты соседа (как казалось по игре). В той игре «Ю.В.» выиграл, был доволен, меня мягко пожурил: «Когда в 45-м научатся играть в преферанс?» Вернувшись в Москву, я рассказал об этом случае в курилке. Тогдашний начальник штаба 1-го управления подполковник Гордеев Виктор Михайлович, рассмеявшись, рассказал случай, когда также в поезде они играли в компании с «Ю.В.», и Поляк проиграл (что, естественно, не любил – а кто любит?!). Рассчитываясь за проигрыш, он долго ковырялся в кошельке, а затем бросил его Гордееву со словами: «На, забери с кошельком» (а в кошельке оказалась лишь мелочь).

Пуск ракеты состоялся в назначенное время. Анализом результатов работы занимался большой коллектив конструкторов, разработчиков, военных. Основная группа анализа располагалась в маленькой комнате в 101-м сооружении. Здесь же и курили. Руководитель – командир дивизии генерал-майор Стрельников Владимир Константинович, находился в соседнем помещении, также курил «Казбек», практически не вынимая папиросу изо рта. Волновался, периодически заглядывал к нам в комнату. Однажды предложил выгнать часть народу, полагая, что эффективность работы оставшихся при этом повысится. Олег Владимирович Ошанин, главный алгоритмист РТИ, успокоил его, сказав, что все в порядке. Анализ выявил необходимость доработок алгоритма обнаружения цели и боевой программы. Это, кстати, было обычным явлением, так как средства НГРЛ в основном создавались без полигонных образцов и испытаний: аппаратура прямо с заводов-изготовителей (произведенная по конструкторской документации института-разработчика) прибывала непосредственно на создаваемый объект, с колес монтировалась, настраивалась, испытывалась и вводилась в эксплуатацию. Доработки аппаратуры, алгоритмов и программ проводились по так называемым извещениям, как в процессе производства на заводе, так и в процессе настроек, испытаний и эксплуатации на объекте. Это существенно сокращало срок от конструкторской задумки до постановки станции (средства) на боевое дежурство.

Мурманский узел, пожалуй, из всех объектов был наиболее колоритный

(хотя на каждом объекте есть, или, по крайней мере, были свои изюминки): красивая природа – сопки, озера, богатейшая многоцветная флора, насыщенная фауна, незабываемое северное сияние, подпитывающее белые ночи летом и полярные дни зимой. В часы отдыха многие промышленники занимались сбором ягод, грибов и рыбалкой. Как-то и я, в компании с Сашей Лемещенко, ведущим программистом ЛПТП, и Юрой Мартьяновым, выбрался на сбор брусники. Саша повел нас далеко, на S-озеро. Собирали ягоду специальными совками. Примерно за три часа собрали по большому эмалированному ведру. Устали, конечно. В гостинице Валя Яковлева из Ленинграда помогла мне приготовить смесь из брусники, черники, перетертую на мясорубке с сахаром. Упаковывалось это порционно в полиэтиленовые пакеты, пакет в пакет и еще раз в пакет. Укладывались пакеты в картонный почтовый ящик, пересыпались целой ягодой брусники. Два таких ящика я отправил домой по почте, третий вез с собой поездом. К моему приезду в Москву и почта доставила ящики. Семья была надолго обеспечена, да и ближайшим родственникам досталось.

Зимой в свободное время бегали по ближайшим окрестностям на лыжах. Кроме любителей были среди нас, можно сказать, профессионалы: Олег Ружин и Толя Матвеев. Особенно мне запомнилась лыжня вокруг озера в апреле: ослепительный белый снег, яркое и горячее солнце – бегали практически в плавках.

Жили на Мурманском объекте в основном в гостинице РТИ (Минца) – как промышленники, так и сорокапятчики. Поэтому и в свободное время организовывались вместе. Иногда ездили в Мурманск, Оленегорск, Мончегорск. Устраивали соревнования в настольный теннис, футбол. В каминном зале проводили совместные вечера, посиделки с гитарой: закоперщиками были Казаки Толя и Таня, Карасев Валера. Принимал в них участие и я, когда был на объекте. Естественно, что основным занятием в свободное время все же был преферанс. Играли, как правило, «на стол» – все, что на кону, шло на приобретение закуски и выпивки, коллективно выпивалось и съедалось, и игра начиналась по новой.

Мукачево

Мукачевский объект расположен в живописном районе Закарпатья, на горе. Внизу под горой деревня Новая, в которой проживали в основном венгры и немцы. В деревне действовал прекрасный костел. Прекрасные сады и вкусное сухое вино... Естественно, что и домой мы везли и фрукты, и овощи, и вино.

Как и на всех объектах, мы проводили занятия с личным составом части по обучению и подготовке к самостоятельному несению боевого дежурства. Как правило, в войсковых отделах боевых алгоритмов и программ подбирались сильные, грамотные специалисты. Со временем некоторые из них были приглашены для дальнейшего прохождения службы в наш институт: Мармлюков В.А. из Скрунды, Миша, Толя и Миша – с Оленьей.

А вот с точки зрения электромагнитной совместимости на Мукачевском объекте проблем было много. Очень часто формировались ложные тревоги: помехи создавались и от средств связи железной дороги, и телецентра, и сопредельной территории Венгрии. Для выяснения причин помех и их устранения было назначено много комиссий и групп, которые с разной степенью успеха работали в этом направлении.

45-й СНИИ (Шаракшанэ)

Моими первыми учителями в Вооруженных Силах были Цейтленок А.М., Гипик В.И., Шаракшанэ А.С. Нужно сказать, что в 45-м СНИИ витал, с одной стороны, дух творчества, а с другой – командной работы. И с кем бы ты не сталкивался в работе, в первую очередь, невзирая на звания и должности, получал помощь – в том или ином виде. В отделе Гипика В.И. нельзя не вспомнить Краснова В.А., Нештенко О.П., Маслака А.Ф., Суханова В.И., Порсева В.И. В отделе Шахина В.П. – Мартъянова Ю.Н., Панова Ю.А., Лобачева А.Ф. В отделе Семенова Б.И. – Писанецкого Н.М. и многих других. В памяти – безвременно ушедший Тесля Виктор Александрович.

Проводя подготовку и непосредственно испытания средств системы ПРН, мы непрерывно находились на объектах до 45 суток, небольшое пребывание дома (два–три дня, кстати, в один из таких приездов была «спроектирована» моя дочь) – и снова на объект (и родилась дочь, Надежда, когда я был в Оленьей). Иногда в год – более 200 дней работы на объекте, а они находились на периферии бывшего Советского Союза. Кстати, я не был, как уже упоминалось, только на одном объекте – в Севастополе, но это и понятно (Черное море, а первым моим объектом был Мурманск).

То, какое отношение было к важности нашей работы, может проиллюстрировать такой фрагмент. В мае 1976 г. мы с программистом Мартъяновым Ю.Н. получили задание убыть на Мукачевский объект, провести калибровку КИМСа и набрать статистику по вариантам «налетов БР вероятного противника». Прибыв на РЛС «Днепр», мы с удивлением узнали, что узел отключен на годовые регламентные работы. Нам посоветовали погулять, отдохнуть. Я (тогда старший лейтенант) вышел по закрытой связи на начальника 1-го управления генерал-майора Або Сергеевича Шаракшанэ, доложил обстановку. В ответ получил команду ждать. Через два часа нас нашли в гостинице, вызвали на РЛС и дали возможность работать. А на следующий день из Москвы приехал полковник Лашков М.И., начальник отдела из управления Коломийца М.М. – посмотреть, что за старший лейтенант тут устроил бучу. Мы познакомились и в дальнейшем дружно работали не только на этом объекте, но и на многих других.

Как работали, так и отдыхали. Або Сергеевич очень уважал женщин (в каждом отделе их было по три-четыре). Поэтому к каждому женскому празднику 8 Марта силами мужской части управления готовился театрализованный концерт, на котором исполнялись песни на известные мелодии с текстами, написанными самодельными авторами на темы нашей службы и жизни.

Концерты всегда имели колоссальный успех, приходили на него сотрудники и сотрудники практически со всего института. На первом концерте, в котором я принимал участие, в одном из номеров мы исполнили песню на мелодию песни «Арлекино» Аллы Пугачевой. Песня была так хорошо принята, что дважды на бис пришлось ее исполнить. Но это не все – на будущий год ее вспомнили зрители и потребовали снова исполнить «на бис». Одним из авторов был Цуков Ю.К. (Было бы здорово восстановить хотя бы несколько номеров того времени?!)

Очень активно мы проводили отводившиеся три раза в неделю часы физо. Самым любимым у нас был футбол, играли мы круглогодично и практически в любую погоду. Заводилами были Валера Суханов, Лева Гайворонский и Коля Писанецкий. «Костоломом» был Петя Чернега. Играли и в «коробке» во

дворе института, и на стадионе «Локомотив» (в Бабушкинском парке), и на поле возле райисполкома, и в других местах. Проводились первенства института по различным видам спорта. Я участвовал в футбольном первенстве, лыжном, настольном теннисе. Борьба была, как правило, бескомпромиссная. Но обязательной для всех офицеров была сдача нормативов ВСК. Хотя я с детства рос спортивным малым, но турником в объеме военного училища не владел. Преодолеть это препятствие, по моей просьбе, пошел за меня только что пришедший в отдел после окончания Минского училища Сережа Якубовский. Но проверяющий гимнаст Николай Соколов «вычислил» его и доложил о подставе нашему начальнику Цейтленку. Матвейч пожурил нас, но проблема от этого не решилась. Анализируя ситуацию, я пришел к выводу, что нужно попасть в сборную института или управления по какому-либо виду спорта, желательно специфичному, – сборники от сдачи нормативов ВСК освобождались. В это время по приказу генерала Шаракшанэ была собрана группа двоечников по стрельбе из личного оружия. Подполковнику Юре Архипову, члену сборной управления по стрельбе, была поставлена задача научить их стрелять. С Юрой у меня сложились дружеские отношения, и я напросился к нему в эту группу. Результат наших стараний превзошел все мои ожидания: месяца через три я не только уверенно сдал на отлично норматив по стрельбе, но вместе с Володей Васюковым и Сашей Комовым был включен в состав сборной управления, а на первенстве института не только занял первое место вместе с командой управления, но и стал чемпионом части в младшей возрастной группе, показав одинаковый результат с абсолютным чемпионом. После этого выступал в составе сборной команды института на первенстве частей центрального подчинения Войск ПВО страны. Кстати, и позже, уже на Фрунзенской набережной, неоднократно с успехом выступал в соревнованиях по стрельбе. Вопрос со сдачей нормативов ВСК был закрыт.

Ложные тревоги («Земля») – ОА ПРН. Родионов Н.И.

Однажды с командного пункта армии ПРН (Солнечногорск) поступил сигнал оповещения по объекту – мингечаурская РЛС: сбор представителей воинских частей – от Генерального заказчика, от 45-го СНИИ МО, военного представительства головного института – разработчика, от управления командующего войсками РКО и головных организаций промышленности. Сбор представителей вышеперечисленных организаций проводился при определенных сбоях в работе либо аппаратуры, либо алгоритмов (программ) средств системы. Созвонившись со всеми организациями, договорились о месте встречи и к 15 часам прибыли в штаб армии. Рассмотрев представленные нам документы, поняли, что их нам недостаточно для детального анализа, затребовали с объекта еще документы, но к вечеру их не получили. Около 20 часов прибыли на доклад к командующему армией Родионову Н.И. Он выслушал наши соображения и жестко заявил: «Я вас всех арестовываю. Даю вам самолет: надо – летите в Азербайджан, но досконально разберитесь, чтобы у меня больше этих «ложняков» не было!»

Что делать? Идем в жилой городок, у почты есть телефон. Звоню в Москву, на квартиру зам. начальника управления генералу Петрову Н.И., докладывая обстановку, спрашиваю: «Что делать?». Слышу в ответ: «... (непереводимая аббревиатура). Терпи, сынок. Оставайтесь ночевать. Завтра разберетесь». Столовая уже закрыта. Успели в магазине взять батон хлеба, по бутыл-

ке кефира, пошли к озеру. Сидим на берегу, перекусываем. Мимо нас идут от жилых домов по берегу Родионов и Поздеев с женами. Родионов глянул в нашу сторону, только ухмыльнулся. Устроились мы в гостинице, переночевали. Утром получили с объекта недостающую информацию. Проанализировав, подготовили соответствующее решение о проведении доработок алгоритмов и программ РЛС «Дарьял». Представили на подпись командарму: «Ну вот, это – другое дело!». Решение было подписано, внедрено, ложных тревог по этому поводу не повторялось.

Кстати, на одном из юбилеев в НИИДАРе, где Николай Иванович Родионов работал, уйдя на пенсию, я напомнил ему о некоторых наших рабочих моментах, но он их «забыл».

Октябрь 1990 г. – посещение американской делегацией Печоры

В 1990 г. состоялось первое посещение американцами нашей РЛС «Дарьял» в Печоре. Этому предшествовала поездка нашей делегации в США с посещением РЛС в Туле (Гренландия). От гензаказчика участниками планировались в качестве специалистов Баистов В.Г. и я, а поехал генерал Сидоров О.П. Мне же было поручено готовить экскурсию американцев на Печорский объект. Был разработан и утвержден Генеральным штабом план посещения, перечень выступлений, наглядных материалов. На самой РЛС, как говорили эксплуатационщики, было «вылито» несколько тонн краски, но станцию привели действительно в божеский вид. Мы с генералом Сапегиным С.С., начальником ГУВ ВПВО в то время, слетали на объект дважды. Накануне посещения американцев 1 октября 1990 г. захожу, уже собравшись, в 8.50 утра в кабинет Сапегина на Фрунзенской набережной. «С.С.», как мы его звали, сидит, в кресле, тоже в шинели, спрашивает: «Ну что, нужно лететь?» Я отвечаю: «Нужно лично убедиться в готовности, есть еще время что-то подправить».

Вылетели из Клина. По прибытии в Печору проехали по маршруту делегации и... не узнали, до того сумели армейцы с местной властью облагородить окружающий «ландшафт»: покосившиеся хаты, разломанные заборы, разбитые дороги – все преобразилось. Заслушали доклад командира части подполковника Стрельникова П.В., провели необходимые корректировки текста, плакатов, манер...

Американская делегация (около 10 человек) была разношерстной, в их числе три женщины: одна, руководитель делегации – 1-й секретарь посольства США; несколько человек с фотоаппаратами, видеокамерами. Снимали практически все (как сказали мне потом члены нашей делегации, в том числе и меня: в отличие от местных военных, которые были в тужурках, я был в кителе и, конечно, «светился»). Кстати, один из вопросов был: почему командир части подполковник, в то время как я – полковник? Мой ответ, что он только что назначен командиром, а в отличие от их системы, когда звание присваивается в соответствии с занятой должностью, у нас должен пройти определенный срок, – их удовлетворил.

Состояние станции американцам понравилось, а с учетом нашего гостеприимства – угощения на станции и обеда в ресторане, общее впечатление – хорошее.

Как только самолет с американцами взлетел, поступила команда и нам – на борт. После взлета ко мне обратился генерал Панченко В.П., зам. коман-

дующего 3-й армией по вооружению, — можно ли нам отметить успешное завершение мероприятия? Я переадресовал вопрос «С.С.». Было дано «добро» и мы отведали то, чем угощали американцев: и напитки и закуски были «очень даже»! Отличившиеся организаторы посещения были в разной степени поощрены — мне была вручена грамота Главкома Третьяка И.М.

Решение вопроса по бугру перед объектом Мингечаур

Для принятия окончательного решения по бугру перед Мингечаурской РЛС начальник ГУВ Войск ПВО генерал-полковник Леонов Л.М. поручил созвать совещание с участием всех ведущих ученых, организаций и воинских частей. Предварительно с учетом проведенных теоретических расчетов, моделирования, был подготовлен проект решения — никаких дополнительных земляных работ не проводить. В кабинете первого заместителя начальника ГУВ собралось человек 30. Пригласили Леонова Л.М. Войдя в кабинет и поздоровавшись со всеми, Леонид Михайлович обратился к Ненашеву М.И.: «Какой порядок действий предлагается по проекту решения?» Ненашев ответил: «Нужно подписывать!» Леонов: «Ну, надо сначала обсудить...» Ненашев: «Если начнем обсуждать — никогда не подпишем!» Большинство одобрительно загудело. Решение подписали. Жизнь показала правильность принятого решения.

7-й отдел 5-го управления ГУВ ВПВО страны

За вопросы разработки и создания средств и КП системы ПРН отвечал 7-й отдел 5-го управления ГУВ ВПВО страны. Перед моим приходом в отдел ушел на пенсию его начальник полковник Селиверстов Владимир Николаевич. Но не ушли традиции, выработанные в отделе. Новый начальник отдела Попов Альберт Тимофеевич сформировал дружный боеспособный, профессиональный коллектив, в котором работали выходцы практически из всех военных организаций МО, занимавшихся этими вопросами: в области НГРЛ — сам Попов, Кашенко В.В., Галкин В.И., Баистов В.Г., Давыдов В.Г., в области ЗГРЛ — Бессмертный В.И., Бойко А.К., Тарасов О.И., Гордеев В.К.; командных пунктов и системы в целом — Казаков А.Н., Морозов П.М. Многие работники отдела ушли на повышение в Генштаб и аппарат начальника вооружения ВС.

Работали мы на стыке с отделом серийного управления (генерал-майора Прохорова А.В.), возглавляемого Брагиным Н.А. Благодаря активному участию Новикова Б.И., Безносова В.М., Буданова В.М., Назирова Г.И. и др. были созданы и приняты на вооружение «Днепр», «Дарьял» и др.

Начальником ведущего военного представительства, аккредитованного при РТИ им. А.Л. Минца, был тоже выходец из 7-го отдела — Джола Иван Васильевич, в свою очередь поддерживавший традиции отдела в представительстве и воспитавший плеяду крепких, опытных и знающих свое дело специалистов: Байду А.В., Орлика В.П., Горбунова В.М., Таволжанского Е.П., Мургу В.В. и многих других.

Были в нашей жизни и курьезные и трагические моменты. Памятен факт пропажи секретной тетради назначенного на должность зам. нач. отдела майора В.В. Кашенко. На «рога» был поставлен весь главк (ГУВ В ПВО),

мы обшарили все здание на Фрунзенской набережной (3-й дом МО, как его именовали) и вокруг него, облазили все вентиляционные и кабельные шахты, мусорные свалки в Подмосковье, куда вывозили мусор из 3-го дома — как в воду канула тетрадь! Всему руководству — по вертикали «раздали по серьге» (выговоры разной степени), а пострадавшие тоже получили свое: Валеру Кашенко отправили служить на Печорский узел, а Витю Галкина (у кого тетрадь была в момент пропажи по реестру) — в Павшино (его спасли от дальней ссылки жена и трое маленьких детей). Чья-то черная душа своей цели добилась.

Но были в нашей жизни и светлые моменты. Например, по традиции мы отмечали новоселья, звания, должности... И всегда мы пели всем отделом под гитару. У нас были два ведущих голоса: прекрасный бас Валерия Ивановича Бессмертного, державшийся на профессиональном уровне, и мой тенор, плавающий от сопрано до баритона. Однажды, возвращаясь с новоселья от Баистова В.Г., мы пели в автобусе. Автобус подъехал к метро, но водитель не открывал двери, а просил, вместе с последними пассажирами еще и еще спеть. Кстати, певческая традиция привилась в Главке, и со временем гитары появились почти во всех подразделениях, а иногда стали устраивать самодеятельные концерты для всех сотрудников.